

Н. П. Кондаков

РУССКИЕ КЛАДЫ

RUGRAM

Москва
2026

УДК 7.0
ББК 85.12
К64

Кондаков Н. П.

К64 Русские клады/Н. П. Кондаков. — М. : RUGRAM, 2026 — 378 с. — (Библиотечка по искусству).

ISBN 978-5-517-14073-9

Книга представляет собой фундаментальное исследование русских древностей домонгольского периода, основанное на анализе археологических находок и кладов. В центре внимания автора — проблема формирования древнерусского искусства и его связи с культурными традициями Востока, Византии и Скандинавии.

Книга исследует ключевые художественные стили древнерусского искусства: арабский, греко-восточный (корсунский), византийский. Особое внимание уделяется технике перегородчатой эмали, сканному делу и другим видам декоративно-прикладного искусства.

На основе обширного археологического материала автор анализирует процессы культурного взаимодействия Древней Руси с Востоком и Византией, исследует происхождение различных художественных стилей и их трансформацию на русской почве. В работе рассматриваются вопросы датировки и происхождения важнейших археологических находок, включая знаменитые туры рога из черниговского кургана.

Она адресована специалистам в области археологии, истории искусства, этнографии, а также всем, кто интересуется проблемами формирования древнерусской культуры.

Практическая ценность работы заключается в систематизации археологических данных и создании комплексной картины развития древнерусского искусства, что делает её важным вкладом в изучение культурного наследия Древней Руси.

УДК 7.0
ББК 85.12
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-14073-9

© RUGRAM, оформление, 2026
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предметные клады русских древностей домонгольского периода и их значение для русской археологии. Необходимость исследования древностей этого периода на основании господствовавших в пределах России художественных стилей. «Арабский стиль». Орнаментика турьих рогов Черниговского кургана. Вопрос об источниках «звериного стиля». Связи древней Руси с культурой переднеазиатского Востока. Арабский стиль в древностях скандинавских и отношение их к русским. Греко-восточный стиль IX–X стол., известный издревле под именем Корсунского. Памятники Корсунского дела в Южной России. Русско-византийские древности XI–XII столетия. Техника древнерусской перегородчатой эмали. Сканное дело в XI и XII веках. Сканное мастерство Мономаховой шапки и вопрос о ее древности и происхождении. Необходимость изучения русско-византийских древностей на основа-

нии древностей Византии как источника важнейших форм личного церемониального убора и связанных с ним общественных отношений.

Под именем кладов издавна принято разуметь те предметы материальной ценности, которые, будучи некогда сокрыты в недра земли, наскоро сложенными или тщательно спрятанными, ради сохранности и в надежде собственника ими воспользоваться, по миновании опасности, уцелели равно от расхищения и своевременного вскрытия для того, чтобы составить историческую или археологическую находку. Клад всегда, но для определенного времени и места, составляет своего рода сокровище в собственном и переносном смысле, но его ценность может или быть исключительно материальной, если клад заключается в слитках и массе одинаковых монет, или составить важный памятник древности. Именно в сфере русской древности домонгольского периода клады, состоящие почти исключительно из предметов бытовых и художественных уборов и украшений всякого рода, являются с таким особо важным значением. И если известная исключительность такого рода находок или даже единичность по местам (один клад в Орловской губ., один – Курской, один – Владимирской, один – Смоленской и т. д.) останавливала доселе исследователей русской археологии от всякой попытки общего обозрения вещевых кладов, то замечательные трактаты, посвященные знатоками археологии: В. В. Стасовым, Д. И. Прозоровским, графом А.

С. Уваровым отдельнымкладам, казалось, достаточно обрисовали историческое значение каждогоклада в отдельности. Однако и теперь изучение русских кладов не может еще считаться начатым, и доселе держится отрицательный взгляд на самостоятельное значение всей группы кладов по отношению к так называемой доисторической древности, или, как в русской археологии уже установилось, к древностям курганным, точнее – погребальным. В самом лучшем случае исследователи курганных древностей сторонятся от кладов, отказываясь даже понимать их отдельные предметы, относя их безусловно к позднейшей эпохе, почти отрицая связь вещей и форм вкладах и курганных древностях. Главный недостаток кладов, как памятника, полагают в случайности их состава и подбора предметов: кладывырываются наскоро, в суете, в страхе перед нашествием, пожаром, истреблением дома и семьи, состоят из вещей, случайно попавших под руку, разрозненных, разбросанных, нередко лишних вещей и уборов, не бывших в обиходе, не на себе бывших, а хранившихся в ларце, часто из лому и браку, лежавшего там в куче. Многие отказываются понимать неполный подбор предметов, оторванных от их назначения, насильственно разнятых, лишенных пар, крючков, прикреплений, иногда прямо брошенных в клад частями. Находят мало интереса в предметах кладов по их большей или меньшей (что, однако, не было установлено точно) одновременности – предполагается, что

клады в большинстве (особенно киевские) зарыты накануне монгольского разорения. Наконец, обычно жалуются на дурное состояние предметов вследствие самих условий сокрытия вещей в грубом горшке, ящике, в мусоре во дворе, среди развалин и пр., и на дурные условия случайной находки, при землекопных и пахотных работах, и т. д.

Но все эти детальные возражения против исторической важности кладов, как бы ни были сами по себе верны и точны, уступают место тому общепризнанному факту, что клады образуют в России как бы продолжение курганных древностей, точнее говоря, являются со времени распространения христианства и исчезновения языческих погребальных обычаев, оставивших нам курганы, единственными (впредь до исследования христианских могильников) вещественными древностями, местами уже в эпоху XI столетия, местами для XII и XIII веков.

Но так как курганная археология, выросшая лишь в самое последнее время, восприняла свой предмет и приемы от так называемой доисторической археологии или громко именуемой «науки первобытной древности», то и естественно, что, с трудом одолевая массу прихлынувшего сырого материала в виде результатов повсеместных курганных раскопок, в большинстве не научных, а беспорядочных, эта наука с некоторым упорством останавливается на курганном материале и не ищет даже в кладах пособия к его изучению. Тому препятствуют и всесильные теоре-

тические взгляды. Исследователь курганов, исходя из основного принципа первобытной археологии, ищет однородного или хотя бы племенного материала и стремится работать на пользу этнографии, антропологии. Единственный и слепо принятый статистический метод понуждает исследователя сосредоточивать свое внимание прежде всего на погребальных обрядах, хотя бы и отличающихся однообразием, далее – на находках предметов домашнего производства (ткацкого, горшечного и т. д.) и изделиях ремесла, и только после них на предметах художественной индустрии, и то главным образом со стороны их типов, распространения, местных групп и пр. Как было некогда заведено в первобытной археологии, каждая область исследуется сама по себе, по руководству одних и тех же теоретических и предвзятых взглядов: всюду предполагается натуральный последовательный рост культуры, собственный ход совершенствования и размножения изделий, и доселе, видимо, еще господствует заблуждение, основанное на понимании варварского мира как первобытной среды. Исследователь не самостоятелен, работает или для историка, которому чаще всего нет возможности воспользоваться археологическим материалом, или для этнографа, который является и сам пока беспомощным в деле разбора нагроможденных им наблюдений.

Главным последствием принятого этим отделом положения является то, что древностями вещественными занимаются естествоиспытатели, этнографы,

антропологи, историки, словом, все те, кто наименее подготовлен к их изучению, и наоборот, благодаря установившимся отношениям, курганных древностей чуждается историк искусства. Иначе говоря, когда производится раскопка кургана, исследователь обязан наблюдать все могущие оказаться свойства и особенности: геологические в насыпи, антропологические в костяках, этнографические — в обстановке могилы и пр., и обо всем этом составляются подробнейшие дневники, но когда добыт уже самый материал, т. е. вещественные древности, он перестает сам по себе занимать кого бы то ни было, кроме составителя каталога или, наконец, единичного исследователя, заинтересовавшегося формами фибул, браслетов и пр. В противном случае, эти вещи существуют как номера дневников, их наглядное подтверждение. Наоборот, всякий раз, как эта же археология выставит вопрос о форме, о типах, словом, обратится к истории искусства и перейдет к историческому исследованию форм, стиля, бытового назначения, торговых отношений, религиозных связей, когда появляются группировки предметов древности или со стороны бытовой, например формы уборов, или техники — например филиграни, эмали, инкрустации, или же стиля — например по вопросу об орнаменте геометрическом, растительном и зверином, оказывается, что вся эта масса доселе мертвого материала оживает, освещается внутренним светом. Видимо, история искусства есть общая наука древно-

сти и для этого отдела, и только ее принципы и методы могут ему придать научный характер, а следовательно, сделать из этого предмета любопытства предмет знания.

С другой стороны, какие непреодолимые трудности встают перед исследователем, если он пытается поставить весь материал местного археологического отдела на почву исследования художественно-исторического. Здесь, прежде всего, почувствуется полная рознь во мнениях, толчея взглядов и враждебность, стремящаяся к первенству, одиночеству и преобладанию; здесь доселе полная невозможность выработать себе общий взгляд, руководящие методы и найти точки опоры.

Сколько толкуют о прогрессе, но как только надо его понять по существу, как непрерывную историческую связь явлений, его нить разом перерывается во всех тех пунктах, где есть нация, на памяти истории выработавшаяся из варварского племени, а раз нить эта порвана, каждый уже тянет свой конец в свою сторону. Ученые при этом процессе следуют, конечно, внушениям неодолимого еще для науки узкого патриотизма, которым они пытаются сдабривать свои обзоры национальных древностей взамен научного анализа, но источник этого непонимания кроется отчасти в том мраке, который окутывает еще древности Византии и Востока. Действительно, когда скандинавский археолог дробит историю европейской орнаментики на исторические отделы, он

следует, необходимо, руководству того круга фактов, который ему наиболее доступен. На первом месте он ставит, понятно, не римский мир, с необъятным разнообразием его художественных форм, как известно, отовсюду унаследованных, но узкую среду германо-римской орнаментики, т. е. того художественного рынка или базара, какой был открыт римскими фабриками и мастерскими в разных пунктах Германии для ее варваров. Если и можно толковать здесь о художественном «направлении», которое во время Империи будто бы потянулось на север, то разве о Галлии, никак не о Германии или Британии, а масса распространившихся всюду римских изделий свидетельствует всего менее в пользу существования самостоятельной германо-римской орнаментики. Тем менее, стало быть, можно принимать в серьезную сторону подобный заголовок «германо-римской» орнаментики, что те же исследователи ищут с особенным вниманием фактов самостоятельного творчества на севере Европы или далее и находят их то в филигрании, то в звериных формах орнамента, в отличие от римского образца.

С той поры, как стала известна масса оригинальных древностей Северного Кавказа, берегов Дона и Венгрии, в которых столь же поразительны как сторона техническая в гранатовых инкрустациях, так и художественные формы в виде птичьих и лошадиных голов, уже невозможно стало поддерживать ско- роспелое заключение скандинавских археологов,